ГОДЪ КІЕВСКІЯ XXXVIII

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Цѣна годовому изданію 4 руб съ пересылкой.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1899 года. № 11. 1 Іюня.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СЛОВО

въ день памяти преподобнаго отца нашего Θеодосія, игумена Кіево-Печерскаго монастыря.

Праведный отъ вѣры живъ будетъ. (Рим. 1, 17).

Безъ сомнѣнія, многіе изъ насъ, отцы и братіе, явились сюда нынѣ за утѣшеніемъ и помощію, иные съ благодарностію, а всѣ мы пришли сюда, чтобы получить здѣсь назиданіе къ непорочному прохожденію тою стезею, которая ведетъ туда, гдѣ теперь обитаетъ ублажаемый нами преподобный отецъ нашъ Θеодосій,—живой образъ богоугодной жизни. Пресвѣтлая и чудная жизнь его всегда была и всегда будетъ для всѣхъ многопоучительною и назидательною, будучи очевиднымъ примѣромъ того, насколько Богъ любитъ вѣрующаго въ Него человѣка, и того, что можетъ сдѣлать такой человѣкъ при помощи Божіей.

Взглянемъ - же на эту жизнь и поразмыслимъ о томъ, какъ жилъ и что сдѣлалъ для себя и для насъ нашъ преп. отецъ. Быть можетъ, въ этомъ размышленіи мы получимъ не только назиданіе, но и нѣкоторую отраду.

Преподобный Ѳеодосій есть та вѣрующая душа, которая вся всецѣло во всѣ дни своей земной жизни принадлежала одному Богу. Живя здѣсь на землѣ, онъ всегда своею мыслію обиталъ на небѣ. Съ юныхъ лѣтъ онъ преисполненъ былъ заботы о своемъ спасеніи и всею душею стремился къ нему. Сознавая то, что каждая минута здѣшней жизни есть шагъ, приближающій къ смерти, зная то, что всякій, кто бы онъ ни былъ, другой жизни на землѣ, для приготовленія къ вѣчности, имѣть не будетъ,—онъ спѣшилъ воспользоваться краткимъ срокомъ земной жизни для приготовленія къ небесной. Всегда памятуя, сколь „благъ Господь къ душѣ, ищущей Его“, онъ „съ юности своей возлагаетъ на себя иго“ (Плач. Іер. III, 25. 27) подвиговъ благочестія, съ раннихъ лѣтъ начинаетъ обновленіе своей души, усовершеніе ея силъ въ добрѣ. Мѣстомъ первыхъ его подвиговъ служитъ домъ Божій, *приметатися у прага коего* для него — неизсякаемый источникъ высшей радости, духовнаго наслажденія. Постоянно утромъ и вечеромъ ходитъ онъ туда, принимаетъ участіе въ богослуженіи, приготовляетъ просфоры къ божественной Литургіи, находя, при этомъ, время заниматься чтеніемъ Слова Божія и книжнымъ ученіемъ. Родная мать его, по своей простотѣ, не понимая красоты и величія души своего сына, сильно скорбитъ о томъ, что онъ, ея единственная надежда въ жизни, не таковъ, какъ дѣти другихъ родителей, и то проситъ, то принуждаетъ его бросить мысли о небесномъ и заботиться о земномъ. Но не можетъ она потушить въ душѣ своего отрока пламенной огонь любви къ Богу. Въ душу его глубоко проникли слова: *иже любитъ матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Мѳ. X. 36), и онъ рѣшается совсѣмъ оставить свою мать, чтобы служить одному Богу.

Въ немъ раждается мысль отправиться въ Св. землю, гдѣ жилъ Самъ Спаситель міра, чтобы облобызать тѣ мѣста, на которыхъ Онъ принесъ Себя въ жертву за грѣхи людей.

Какая глубина и какая сила вѣры въ этомъ отрокѣ!

Нужно было крѣпко вѣровать въ Бога, чтобы рѣшиться на столь трудный въ то время подвигъ. Впрочемъ, попытка юнаго Ѳеодосія оставить родной домъ, чтобы отправиться въ св. градъ Іерусалимъ, не увѣнчалась успѣхомъ. Онъ, при своей любви къ Богу, пожелалъ бы, конечно, навсегда остаться въ Св. землѣ, но Богу не угодно было лишить нашу землю великаго свѣтильника вѣры и благочестія. Мать вернула Ѳеодосія обратно съ пути. Однако, тщетно старается она удержать его при себѣ. Сила живой и крѣпкой вѣры неудержимо влечетъ его къ подвигамъ благочестія. Пользуясь отсутствіемъ матери, спѣшитъ онъ сюда, въ сей градъ Кіевъ, съ мольбою припадаетъ здѣсь къ стопамъ препод. Антонія и на двадцать четвертомъ году своей жизни принимаетъ иноческое постриженіе. Ничто уже теперь и никто не будетъ препятствовать ему жить для одного Бога.

И вотъ, братіе, всѣмъ намъ извѣстные священные своды его тѣсной пещерной келліи есть первый безмолвный свидѣтель тѣхъ великихъ подвиговъ, которыми сорокъ два года угождаетъ здѣсь Богу препод. Ѳеодосій.

Кто изъ насъ не побывалъ въ этой пещерной келліи, чтобы, хотя на время, отрѣшиться тамъ отъ узъ нашей здѣшней жизни? Тамъ въ землѣ исчезаютъ всякія мысли о земномъ: благоговѣйный трепетъ охватываетъ душу при одномъ взглядѣ на это въ нѣдрахъ земли жилище живого человѣка; и невольно каждый посѣтитель въ умиленіи произноситъ молитву: преподобный отче, моли Бога о насъ!

Перенесемся, отцы и братіе, своею мыслію къ безмолвію той пещеры, чтобы живѣе представить себѣ жизнь, которую велъ тамъ нашъ великій подвижникъ.

Трудно, тяжело тамъ жить. Мы готовы даже дерзновенно помыслить: зачѣмъ такая жизнь? Зачѣмъ христіанину, чаду любви Божіей, поднимать бремя столь необычнаго подвига? Зачѣмъ это жилище въ землѣ? Не страшитъ-ли насъ одно представленіе жизни въ этомъ могильномъ мракѣ?!..

Но не боялся той жизни нашъ великій подвижникъ. Несравненно болѣе его устрашала жизнь мірская, полная грѣховной прелести;—отъ этой послѣдней отвращался онъ, первой же жаждала душа его, потому что та жизнь для него была жизнью съ Богомъ и для Бога. Съ горячею вѣрою въ Бога спускается онъ въ могильный мракъ пещерной келліи. Представленіе будущей жизни, полной свѣта и блаженства, дѣлаетъ свѣтлою жизнь его тамъ. Сердце праведника радостно трепещетъ отъ предвкушенія вѣчнаго блаженства на небѣ, куда только и устремляетъ свои взоры его благочестивая душа, вѣруя и надѣясь, что она скоро воспользуется тѣмъ, что Господь уготовалъ любящимъ Его. Что значатъ даже какіе-нибудь десятки лѣтъ ожиданія, если ожидается полное и вѣчное блаженство?

Тамъ, въ глубокой тиши и уединеніи, вдали отъ обычныхъ міру суетъ и соблазновъ, непрестанно день и ночь молился съ юныхъ лѣтъ посвятившій себя Богу, избранный сосудъ Божіей благодати, препод. отецъ нашъ Ѳеодосій, минуту за минутой проводя свою жизнь въ борьбѣ съ порокомъ и грѣхомъ,—и святая душа его постепенно очищалась отъ Бога.

Съ любовію взиралъ Господь на каждую слезу ея, каждый вздохъ ея слышалъ, и время отъ времени наполнялъ ее такою сладостью, которую можетъ получить только человѣкъ, удостоившійся благодатнаго посѣщенія Того, Кто „весь есть сладость свѣтовиднѣйшая и весь желаніе ненасыщаемое.“ „Богъ тамъ бѣ съ нимъ!“ говоритъ преп. Несторъ. О, еслибы Господь далъ и намъ, братіе, хотя бы каплю того душевнаго наслажденія, которое препод., отецъ нашъ испытывалъ въ своей тѣсной и мрачной пещерной келліи!

Но для этого надо имѣть ту вѣру въ Бога, которою жилъ препод. Ѳеодосій и въ духѣ которой самоотверженно спасался. „Отецъ нашъ Ѳеодосій, передаетъ намъ препод. Несторъ, вселився въ пещеру, вдаде себе на труды велія, бдѣнія бо творяше по вся нощи въ славословіи Божіи, сонную тяжесть отлагая, по вся же дни воздержаніемъ и постомъ себе удручаше, руками своими дѣлая. Воздержаніемъ и постомъ смиряше душу, бдѣніемъ же и рукодѣліемъ утруждаше тѣло, яко дивитися препод. Антонію и блаж. Никону о толикихъ его въ юности подвигахъ". Велики, значитъ, были подвиги препод. отца, если они приводятъ въ удивленіе даже и тѣхъ, кто всю жизнь свою провелъ въ такихъ же подвигахъ. Такъ велики, говоритъ преп. Несторъ, что и „усты человѣческими не мощно исповѣдати"! Такими своими подвигами, „наипаче же смиреніемъ и послушаніемъ", препод. отецъ достигъ того, что по нѣкоторомъ времени, милостію Божіею, воспріялъ великій іерейскій санъ. Теперь онъ уже долженъ былъ, какъ пастырь, заботиться о спасеніи своихъ пасомыхъ: падающаго изъ нихъ поднимать, изнемогающаго поддерживать, колеблющагося утверждать, заблуждающагося обращать, печальнаго утѣшать (Іезек. XXXIV, 8—16); теперь онъ долженъ былъ имѣть въ виду, что нѣкогда ему нужно будетъ предстать на судъ Божій вмѣстѣ съ духовными своими чадами и сказать Богу: се азъ и дѣти! Теперь онъ долженъ былъ пещись о своихъ духовныхъ чадахъ, чтобы услышать сладостный гласъ: рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю, вниди въ радость Господа Твоего!

Скоро богоносный Антоній, первоначальникъ иноческаго у насъ житія, благословилъ Ѳеодосія и на игуменство, передавъ ему въ руководство двадесять духовныхъ чадъ. Святое мѣсто сіе быстро стало паселяться, такъ что „по малѣ времени новый игуменъ (препод. Ѳеодосій) совокупи братій числомъ уже сто". Надо было укрѣпить это общество и устроить жизнь его въ должномъ видѣ иноческаго общежитія.

Многое требовалось для этого отъ игумена, но все, что нужно было, тѣмъ обладалъ преп. Ѳеодосій. Сія св. обитель имѣетъ въ немъ и своего основателя и подвигоположника: онъ соорудилъ здѣсь, „небеси подобную, велику (древяну) церковь Успенія Пресвятыя Богородицы“ и, выстроивъ келліи и ограду кругомъ ихъ, помѣстилъ въ нихъ свою пещерную братію. Своею же живою и крѣпкою вѣрою въ Бога, своимъ смиреніемъ и кротостію, своею всегдашнею готовностію быть всѣмъ слугою онъ явилъ въ себѣ для всѣхъ насъ правило вѣры и образъ богоугодной истинно-христіанской жизни.

Съ тѣхъ поръ, со времени игуменства препод. Ѳеодосія, на благо всего православнаго міра стала процвѣтать обитель его—сія св. Лавра. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ притекаютъ сюда подъ осѣненіе благолѣпныхъ, зрѣніемъ которыхъ не можетъ насытиться око христіанина, храмовъ, увѣнчанныхъ знаменемъ креста Христова, въ ограду дышущей святостію обители добрыя чада нашей Церкви, чтобы совершить въ ней дѣло спасенія своей души, такъ какъ дѣло это облегчается здѣсь тѣмъ порядкомъ иноческой жизни, который установленъ препод. Ѳеодосіемъ, и вспомоществуется молитвою, къ которой, по завѣту его, постоянно призывается въ сей обители инокъ. День и ночь трудятся здѣсь эти ревнители своего спасенія, проводя добродѣтельную жизнь свою въ богомысліи и неустанной молитвѣ, и мы видимъ, что многіе изъ нихъ нетлѣнно почиваютъ на мѣстахъ своихъ великихъ подвиговъ.

Препод. отецъ нашъ, устроивъ обитель сію, создалъ, такимъ образомъ, крѣпость противъ врага рода человѣческаго, ограду, за которою укрываются отъ вражескихъ нападеній тѣ, кто желаетъ и умѣетъ беречь свою душу для Бога. Такіе боятся проводить жизнь свою тамъ, внѣ этого св. мѣста, гдѣ царствуютъ страсти, гдѣ постоянно приходится плавать въ молвѣ попеченій. Здѣсь же они, вспомоществуемые другими,

помогаютъ и сами другимъ въ святомъ дѣлѣ спасительной борьбы и, какъ доблестные ратоборцы, по предстательству препод. Θеодосія, на небѣ въ свое время получаютъ сугубый вѣнецъ вѣчной славы. Богъ вамъ въ помощь, нынѣшніе насельники Θеодосіевой обители! Совершайте свой великій святой трудъ, спасайтесь и, спасаясь сами, спасайте и насъ своими святыми молитвами и добрымъ примѣромъ своей богоугодной жизни. Только не русскіе люди, не истинные христіане, не православные не поймутъ вашей трудовой жзни и не оцѣнятъ ее по ея несравнимо высокому достоинству! Наша же любовь и сердечная благодарность всегда будетъ сопутствовать вамъ.

Но число спасающихся въ сей св. обители—капля въ морѣ того множества поклонниковъ, приливъ и отливъ котораго совершается здѣсь ежедневно. Что же влечетъ сюда этихъ? То, конечно, что привело сюда нынѣ и насъ: желаніе и возможность получить здѣсь и назиданіе, и утѣшеніе, и успокоеніе отъ житейскихъ бѣдъ и скорбей и спасеніе отъ тѣлесныхъ и душевныхъ мукъ. И весьма многіе изъ всего этого множества входящихъ сюда исходятъ отсюда, прославляя Бога. Многіе, являясь сюда больными, уходятъ здоровыми, возвращаются на родину новыми, съ зачаткомъ истинно-христіанской богоугодной жизни.

Придя домой, каждый изъ нихъ разсказываетъ тамъ обо всемъ видѣнномъ здѣсь и слышанномъ, говоритъ о свв. пещерахъ и ихъ нетлѣнныхъ обитателяхъ, о благолѣпіи св. Лавры и ея храмовъ, о чудномъ пѣніи и долгомъ служеніи, и о многомъ другомъ, чѣмъ напиталась здѣсь его душа. Слушатели такихъ разсказовъ невольно направляются своею мыслію сюда и у нихъ зарождается желаніе самимъ идти въ свв. мѣста, чтобы видѣть ихъ, помолиться, поклониться Божіимъ угодникамъ...,—и идутъ они сюда, приходятъ и благословляютъ Бога, сподобившаго и ихъ не только насладиться зрѣніемъ здѣшней святости, но и сложить съ души своей

тяжелую ношу грѣховнаго бремени. Не годъ и не два совершается это великое дѣло,—текутъ сюда, въ сію св. врачебницу недугующіе и тѣломъ и духомъ, чтобы по вѣрѣ своей получить потребное для себя...

Отцы и братіе, не дивенъ ли Богъ во святыхъ Своихъ, если одинъ праведникъ вѣрою своею могъ такъ устроить свое спасеніе, что не только самъ спасается, а облегчаетъ возможность спасенія и многому множеству своихъ братьевъ разныхъ временъ и многихъ вѣковъ?

Прошли изъ этихъ вѣковъ одни, пройдутъ, если будетъ на то воля Божія, и другіе, а сія св. обитель, какъ основанная на незыблемой твердынѣ—той вѣрѣ, которою жилъ и въ духѣ которой спасался основатель обители препод. отецъ нашъ Ѳеодосій, не сокрушимо будетъ стоять для блага всего православнаго міра. Многое пришлось испытать ей и пережить въ своемъ многовѣковомъ прошломъ. Цѣлые годы жизни ея суть залитые кровью листы книги. Не разъ съ страшною силою обрушивались на нее злоба и ярость и враговъ креста Господня и враговъ нашего Православія,—не разъ здѣсь все подвергалось огню и мечу, но проходило нѣкоторое время и, по молитвамъ своего основателя, опять возрождалась изъ пепла св. обитель, омывшись въ кровавой банѣ,—опять сіяла, но еще болѣе чудною неземною красотою,—тою красотою, которою сіяетъ она и теперь!

Посмотрите, братіе, туда, на внѣшній міръ, за стѣны св. обители! Тамъ иная жизнь: люди тамъ ищутъ, домогаются, получаютъ и не удовлетворяются, стремятся къ большему, желаютъ другого и, на горе свое, часто забываютъ и Бога въ поискахъ за лучшимъ,—а св. обитель сія однимъ своимъ видомъ говоритъ всѣмъ: *печешися* (ты) *и молвиши о мнозѣ: едино же есть на потребу* (Лук. X, 41—42). *Едино* это—вѣчноблаженная жизнь. Туда, къ достиженію той жизни, главнымъ образомъ, направлены мысли и желанія обитателей сей св. обители. Туда же должны быть направлены заботы и попе-

ченія и всѣхъ христіанъ. Всѣмъ должно трудиться для будущаго, всѣмъ должно горячо вѣровать въ Бога и по вѣрѣ жить доброю жизнію, приводящею къ жизни вѣчно-блаженной. Такъ вѣровалъ и такъ жилъ преп. отецъ нашъ Ѳеодосій.

И такъ какъ, по Слову Божію: *праведникъ отъ вѣры живъ будетъ*, то и нашъ нынѣ ублажаемый праведникъ за свою вѣру и добрыя по вѣрѣ дѣла ублажается во всѣхъ концахъ нашей родины и въ особенности здѣсь, въ созданной имъ его св. обители, и будетъ ублажаться до скончанія вѣка, а тамъ—на небѣ—ему будетъ слава во вѣки. Аминь.

А. Платонъ.

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю о Самарянинѣ и въ день празднованія памяти Славянскихъ Просвѣтителей, святыхъ равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе (Евр. 13, 7).

Болѣе тысячи лѣтъ протекло съ того времени, какъ святые равноапостольные братья Кириллъ и Меѳодій трудились среди славянскихъ народовъ, но эти многія столѣтія и крупные историческіе перевороты, совершавшіеся въ жизни славянскаго міра, не только не ослабили святой, благодарной памяти благодѣтельныхъ подвиговъ свв. Кирилла и Меѳодія, но еще болѣе усилили и укрѣпили ее. Чѣмъ дальше отходитъ время, тѣмъ свѣтлѣе, ярче выступаютъ предъ нами величавые образы славянскихъ просвѣтителей и ихъ апостольскіе труды возбуждаютъ большее и большее наше удивленіе и благоговѣніе къ себѣ.

Не останавливаясь на каждой чертѣ жизни и дѣятельности празднуемыхъ нами святыхъ Кирилла и Меѳодія, укажемъ на одну существенную заслугу ихъ для всего славянскаго міра: на переводъ св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ.

Раньше свв. братьевъ, среди нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, надъ обращеніемъ ихъ въ христіанство трудились латинскіе священники. Но просвѣтительная дѣятельность ихъ не имѣла большихъ успѣховъ среди славянъ. Неправильно понимая сущность миссіи, латинскіе священники всю свою дѣятельность ограничивали лишь чтеніемъ Слова Божія и совершеніемъ богослуженія на непонятномъ для славянъ латинскомъ языкѣ. О толкованіи же Слова Божія, о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народа, о разъясненіи ему христіанскихъ обязанностей и утвержденіи въ истинахъ и правилахъ христіанской вѣры они вовсе не заботились. Народъ, посему, пребывалъ въ невѣжествѣ; духовныя потребности его, самыя насущныя, оставались безъ удовлетворенія. Славяне, естественно, не могли быть довольными такими просвѣтителями, и отъ имени своихъ князей отправили пословъ къ греческому императору Михаилу и патріарху Фотію съ просьбою прислать имъ учителей, которые истолковали бы имъ христіанскія истины на понятномъ для нихъ языкѣ. „Земля наша, говорили моравскіе послы, крещена; но нѣтъ у насъ учителя, который бы научилъ насъ и протолковалъ святыя божественныя книги; ибо мы не разумѣемъ ни греческаго языка, ни латинскаго. И одни учатъ насъ инако, а другіе—инако; и мы не разумѣемъ книжнаго разума, ни силы книгъ. Пошлите же къ намъ учителей, которые могли бы сказать намъ книжныя словеса и разумъ ихъ“. Выборъ императора и патріарха остановился на святыхъ братьяхъ Кириллѣ и Меѳодіи, которые выразили полную готовность принять на себя апостольскіе подвиги проповѣди среди славянъ. Но „пропо-

вѣдывать устно, разсуждали они, все равно, что писать на пескѣ"; и вотъ, у нихъ возникла великая мысль перевести съ греческаго на славянскій языкъ Свящ. Писаніе и богослужебныя книги. Сознавая трудность и важность возложенной на себя задачи, святые братья приготовляли себя къ святому дѣлу сорокадневнымъ постомъ и молитвой, прося Господа помочь, вразумить и благословить ихъ доброе начинаніе. И Господь благословилъ: азбука была составлена, и вскорѣ явились первыя славянскія письмена, которыя должны были возвѣстить славянскимъ народамъ Слово Божіе, тотъ источникъ воды живой, текущій въ жизнь вѣчную, который просила у Спасителя упоминаемая въ нынѣшнемъ Евангеліи самарянская жена (Іоан. 4, 14—15). Не ограничившись Св. Писаніемъ, свв. Кириллъ и Меѳодій перевели на славянскій же языкъ и богослужебныя книги и съ сими драгоцѣнными сокровищами явились къ славянамъ. Велика была радость славянъ, когда они впервые услышали на своемъ родномъ языкѣ божественную литургію, Слово Божіе и задушевную, понятную проповѣдь святыхъ братьевъ. „Сима пришедшема (т. е. Кириллу и Меѳодію), замѣчаетъ преп. лѣтописецъ Несторъ, ради быша словене, яко слышаша величія Божія своимъ языкомъ"... И радость славянина понятна: это радовался узникъ, которому дали свободу; это радовался человѣкъ, котораго вывели изъ тьмы на свѣтъ Божій; это ликовала душа, озаренная и просвѣщенная свѣтомъ истиннаго богопознанія. „Услышьте славяне, говорили имъ ихъ просвѣтители, услышьте все слово, еже отъ Бога пріиде, Слово, еже кормитъ души человѣческія, Слово, еже крѣпитъ сердца и умы. Душа не имѣетъ жизни, если словесъ Божіихъ не слышитъ". Не оставались глухи славяне къ этому призыву своихъ просвѣтителей: они со вниманіемъ и усердіемъ внимали Слову Божію, охотно и съ любовію открывали свой слухъ и сердце для евангельской проповѣди и убѣжденные входили въ ограду Церкви Божіей,

чтобы большинству изъ нихъ никогда уже не выходить изъ нея. Съ сердечнымъ умиленіемъ взирали святые Кириллъ и Меѳодій на воздѣлываемую ими ниву Христову, славя и благодаря Бога за Его всесильную помощь. И было за что благодарить Бога: нива, которая у однихъ сѣятелей представляла изъ себя почву каменистую, у нихъ сдѣлалась почвою доброю, охотно принимавшею благодатныя сѣмена и приносившею плодъ многъ. На этой благословенной Богомъ нивѣ въ великомъ множествѣ появились новые члены Церкви Христовой, *единѣми* родственными *усты*, *и единѣмъ* братскимъ *сердцемъ* славившіе и восхвалявшіе Имя Божіе. На этой обширной бороздѣ, которую, какъ пара воловъ, по словамъ св. Кирилла, вели отъ одного края земли славянской до другаго святые братья, на этой бороздѣ возсіялъ цѣлый сонмъ угодниковъ Божіихъ, одинаково чтимыхъ всѣмъ славянскимъ міромъ.

Вотъ какое величайшее значеніе въ дѣлѣ обращенія въ христіанство славянъ имѣлъ, бр., славянскій переводъ Св. Писанія и всего христіанскаго богослуженія! Благодаря ему, мирно, спокойно, безъ насилія и принужденія соединились со Христомъ славянскіе народы; благодаря ему, надъ ними, сидѣвшими во тьмѣ и сѣни смертной, возсіялъ свѣтъ Христовъ, и началась новая, благодатная жизнь; благодаря ему, наконецъ, славянскому міру стали доступны и понятны высокія евангельскія истины, безыскусственное, простое, но въ своей простотѣ возвышенное Моѵсеево повѣствованіе о первобытномъ человѣчествѣ, одушевленныя рѣчи пророковъ, умилительные и трогательные псалмы Давида, мудрыя изреченія и пѣсни Соломона и все то, что входитъ въ содержаніе Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, и что такъ дивно возвышаетъ и добрѣ настраиваетъ душу человѣческую.

Но слово наше будетъ не окончено и величіе дѣла славянскаго перевода Св. Писанія и богослуженія откроется

предъ нами не вполнѣ, если мы не укажемъ, хотя въ краткихъ и общихъ чертахъ, значенія для славянъ этого перевода и въ другихъ отношеніяхъ. Святые Кириллъ и Меѳодій своею апостольскою проповѣдью и письменами положили начало объединенію и сближенію различныхъ славянскихъ племенъ между собою. До принятія христіанства этого сближенія не существовало: каждое славянское племя жило своею внутреннею жизнію и своими обособленными интересами. Со времени же свв. братьевъ эта племенная рознь прекратилась: къ единству происхожденія, языка и преданій равноапостольные просвѣтители присоединили еще единство вѣры, и духъ любви, присущій сей вѣрѣ, содѣлавъ всѣхъ славянъ братьями, соединилъ ихъ въ одну великую, христіанскую, славянскую семью. И сознаніе этого духовнаго единства и братства никогда не покидаетъ славянина. Читаетъ ли онъ Слово Божіе, слушаетъ ли богослуженіе, молится ли Богу дома, онъ знаетъ, что на томъ же самомъ родномъ, близкомъ его сердцу языкѣ читаютъ, слушаютъ богослуженіе и молятся славяне всѣхъ странъ, и почти всѣхъ племенъ. Вотъ гдѣ кроется та таинственно могучая сила, которая неразрывными узами соединяетъ славянство въ одно цѣлое.

А говорить ли о значеніи подвиговъ свв. Кирилла и Меѳодія въ дѣлѣ духовнаго развитія славянскаго народа? Но кому неизвѣстно, что только со времени изобрѣтенія азбуки и появленія первыхъ письменныхъ славянскихъ памятниковъ у славянъ пробудилась умственная жизнь и самосознаніе, что только съ этого времени у нихъ впервые начали появляться школы, возникла своя литература и духовное просвѣщеніе широкимъ, благотворнымъ потокомъ стало разливаться по всей славянской землѣ?

До сихъ поръ говорили мы о значеніи письменныхъ трудовъ свв. Кирилла и Меѳодія для жизни славянъ. Какую же пользу и значеніе, бр., имѣли письмена святыхъ братьевъ для Россіи?

Россія приняла христіанство значительно позднѣе юго-западныхъ славянъ и крещеніе ея произошло независимо отъ обращенія тѣхъ въ христіанство, но наше духовное просвѣщеніе, благолѣпіе и устройство церковнаго богослуженія и сѣмена нашего преуспѣянія перенесены къ намъ вмѣстѣ съ письменами свв. Кирилла и Меѳодія. Славянскіе переводы Свящ. Писанія, святоотеческихъ твореній и богослужебныхъ книгъ были для нашихъ предковъ высокимъ даромъ, которымъ они дорожили больше своей жизни. Это были для нихъ настольныя книги, на которыхъ они воспитывали себя и своихъ дѣтей. Собираясь всей семьею вмѣстѣ, наши предки въ свободное отъ житейскихъ занятій время громко вслухъ и въ поученіе всѣмъ читали свящ. славянскія письмена и такое занятіе находили для себя лучшимъ развлеченіемъ и отдохновеніемъ. Неудивительно посему, что къ Слову Божію привыкли они обращаться во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни—и радостныхъ и печальныхъ. Въ немъ находили и, какъ изъ благодатнаго источника, черпали они, съ одной стороны, утѣшеніе, веселіе, радость, духовное наслажденіе, и съ другой—терпѣніе, ободреніе, подкрѣпленіе, силу, мужество и воодушевленіе. Можно, поэтому, смѣло сказать, что письмена свв. Кирилла и Меѳодія, питавшія народную вѣру, помогли терпѣливо сносить постигавшія наше отечество историческія бѣдствія: княжескія междоусобія, татарское иго, смутное время, отечественную войну и выйти побѣдителями; письмена свв. Кирилла и Меѳодія сохранили нашу народность въ неприкосновенной чистотѣ и спасли наше Православіе отъ притязаній папства и другихъ вредныхъ вліяній; письмена свв. Кирилла и Меѳодія были, наконецъ, драгоцѣннымъ залогомъ нашей образованности, нашего умственнаго и нравственнаго совершенствованія, нашей силы, могущества и славы.

Таково благодѣяніе, оказанное просвѣтителями славянскими Россіи. Возблагодаримъ же Бога, дивнаго во святыхъ

Своихъ, за это благодѣяніе и будемъ молить свв. равноап. Кирилла и Меѳодія, чтобы опи призрѣли съ высоты небесъ на просвѣщенное ими славянство и на насъ и вели насъ по пути указанныхъ ими истинъ, единенія и братства всегда, нынѣ и присно. Аминь.

Свящ. *Георгій Тихомировъ.*

Христіанскій взглядъ на жизнь.

(*По поводу „Стихотвореній въ прозѣ“ И. С. Тургенева*).

(*Окончаніе* [1]).

Сущность христіанскаго взгляда на происхожденіе и смыслъ міровой жизни сходится къ тому, что міромъ управляетъ не природа, равнодушная къ добру и злу, а высшая, разумнонравственная Сила, направляющая теченіе міровой жизни къ торжеству добра и правды надъ зломъ и неправдой.

Сотворивъ міръ, Богъ положилъ въ основу міровой жизни опредѣленный планъ, выраженіемъ котораго являются имѣющіе всеобщее и необходимое значеніе законы природы и жизни, какъ физическіе, такъ и нравственные. И тѣ, и другіе имѣютъ своею цѣлію обезпеченіе правильнаго теченія міровой жизни: какъ нарушеніе физическихъ законовъ внесло бы разстройство въ жизнь природы, такъ и нарушеніе нравственныхъ законовъ, которые въ концѣ концовъ сводятся къ одному основному закону любви („весь законъ въ одномъ словѣ заключается: люби ближняго твоего, какъ самого себя“—Галат. 5, 14), неизбѣжно сопровождается разстройствомъ міровой жизни. Поэтому и нравственные законы можно назвать законами природы; однако они отличаются

[1]) См. „Кіев. Епарх. Вѣд.“ № 10. 1899 г.

отъ физическихъ законовъ тѣмъ, что въ то время, какъ послѣдніе осуществляются природой *безсознательно*, первые требуютъ *сознательнаго* къ себѣ отношенія; отсюда—далѣе—вытекаетъ и то, что въ то время, какъ физическіе законы осуществляются *съ необходимостью* (т. н. физическою), нравственные законы—въ зависимости отъ свободной воли исполнителя—могутъ осуществляться и не осуществляться: первые—*физически необходимы*, вторые—*нравственно обязательны*. Взаимное ихъ отношеніе въ ходѣ міровой жизни можно опредѣлить такъ, что область дѣйствованія физическихъ силъ, управляемыхъ физическими законами, представляетъ собою ту среду, въ которой дѣйствуютъ духовныя силы, управляемыя въ своей дѣятельности законами нравственными. Значитъ, физическіе законы въ строѣ вселенной занимаютъ подчиненное положеніе; поэтому нельзя говорить, что міръ управляется слѣпыми, сдихійными силами.

Какое же мѣсто во вселенной занимаетъ человѣкъ? Несомнѣнно, онъ представляетъ собою одно изъ тѣхъ безчисленныхъ звѣньевъ, изъ совокупности которыхъ слагается вселенная, но это звѣно тѣмъ отличается отъ другихъ звеньевъ міровой жизни, что оно не просто переживаетъ извѣстныя измѣненія, но и сознаетъ ихъ въ моментъ переживанія, и не только непосредственно сознаетъ, но и можетъ давать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, можетъ даже до нѣкоторой степени измѣнять ихъ направленіе: способность къ *самосознанію* и *самообладанію* составляетъ отличительную особенность человѣческаго духа, дающая основаніе видѣть въ немъ не продуктъ игры стихійныхъ силъ природы, а „образъ Бога невидимаго". Поставленный въ рядъ съ другими предметами и явленіями природы, человѣкъ вмѣстѣ съ ними необходимо подчиняется дѣйствію физическихъ законовъ природы, но какъ существо, способное къ самосознанію и самообладанію, онъ сознаетъ себя произвольнымъ къ свобод-

ному осуществленію высшихъ, нравственныхъ законовъ, имѣющихъ непреходящее значеніе: дѣйствуя въ условіяхъ земного существованія, онъ сознаетъ свое высшее предназначеніе. Сознательное и свободное осуществленіе человѣкомъ нравственныхъ законовъ дѣлаетъ его участникомъ въ той созидательной работѣ, которая должна привести къ окончательному торжеству добра и правды надъ зломъ и неправдой, къ наступленію царства Божія, т. е. такого міроваго строя, который опредѣляется законами высочайшей правды и безусловнаго добра: „мы,—говоритъ апостолъ,—ожидаемъ новаго неба и новой земли, на которыхъ обитаетъ *правда*“ (2 Петр. 3, 13). Въ подготовленіи этого завершительнаго момента исторіи и заключается смыслъ какъ міровой жизни, такъ и каждаго отдѣльнаго существованія: всѣ мы—богатые и бѣдные, знатные и незнатные, ученые и неученые—„всѣ мы—смиренные дѣлатели на великой нивѣ Божіей, единственной нивѣ, на которой возможно работать намъ рядомъ“ (С. А. Рачинскій). Разрушительныя силы природы не могутъ помѣшать этой нравственно-созидательной работѣ, потому что выше природы стоитъ Богъ, Который любитъ добро и правду и Которому подчинена природа со всѣми ея силами: законы природы, управляющіе дѣйствіемъ ея силъ, представляютъ, какъ мы видѣли, не что иное, какъ выраженіе творческаго плана, положеннаго въ основу міровой жизни и направленнаго къ созиданію царства Божія. Этимъ обезпечивается конечное торжество добра надъ зломъ. Нѣтъ ничего выше и прочнѣе добра и правды: небо и земля прейдутъ, а правда и добро вѣчно будутъ сіять своимъ неизреченнымъ блескомъ...

4.

Поднимемся же теперь не на вершины Юнгфрау и Финстерааргорна, а на высоту христіанскаго созерцанія, и окинемъ своимъ взоромъ широкое поле человѣческой жизни

и дѣятельности: можетъ быть, мы найдемъ въ нихъ и смыслъ и непреходящее значеніе.

Пасѣка въ одномъ изъ русскихъ отдаленныхъ хуторовъ. Тамъ, въ плетеномъ сарайчикѣ, куда составляютъ ульи на зиму, въ углу приспособлены подмостки, а „на нихъ—прикрытая одѣяломъ, какая-то маленькая фигура“ (см. разсказъ Тургенева „Живыя мощи“): это—несчастная, разбитая параличемъ, молодая женщина; болѣзнь положительно приковала ее къ постели: она съ трудомъ можетъ поворачивать не только свою голову, но и свои глаза. Ея молодая жизнь разбита въ самомъ началѣ, въ самомъ расцвѣтѣ ея радостныхъ надеждъ!.. Что жъ? неужели и въ этомъ горькомъ существованіи есть какой-либо смыслъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, всмотримся во внутренній міръ этой женщины.

„Вотъ,—разсказываетъ Лукерья случайно посѣтившему её барину,—лежу я себѣ, лежу-полеживаю и не думаю; чую, что жива, дышу, и вся я тутъ. Смотрю, слушаю: пчелы на пасѣкѣ жужжатъ да гудятъ; голубь на крышу сядетъ и заворкуетъ; курочка-насѣдочка зайдетъ съ цыплятами крошекъ поклевать, а то воробей залетитъ или бабочка,—мнѣ очень пріятно... А то я молитвы читаю... Прочту Отче нашъ, Богородицу, акаѳистъ всѣмъ скорбящимъ,—да и опять полеживаю себѣ безъ всякой думочки. И ничего!“...

Какое богатство внутренней жизни въ этомъ крошечномъ, изможденномъ тѣлѣ! Весь міръ для нея сомкнулся въ маленькомъ сарайчикѣ, а она и отсюда чувствуетъ жизнь природы, живетъ съ нею одною жизнію. Да вѣдь эта отзывчивая жизнь несравненно богаче жизни хотя бы того богача, который не находитъ въ своемъ сердцѣ отклика ни на щебетанье птички, ни на слезы бѣдняка.. Но вы думаете, что такое богатство внутренней жизни не находитъ никакого приложенія, пропадаетъ даромъ? Позвольте: оно прежде всего самой Лукерьѣ доставляетъ внутреннее удовлетвореніе:

„мнѣ,—говоритъ она,—очень пріятно“. Уже одно это сообщаетъ смыслъ ея жизни: не ставимъ ли мы цѣлью нашей хлопотливой жизни достиженіе внутренняго удовлетворенія? То, чего мы ищемъ, у Лукерьи уже на лицо. Но этого мало: всмотримся глубже въ ея настроеніе. Баринъ спрашиваетъ у Лукерьи—не нужно ли ей чего?—„Ничего,—отвѣчаетъ,—мнѣ не нужно: всѣмъ довольна, слава Богу!“ И это—замѣчу—не есть довольство лица, притупившаго воспріимчивость къ впечатлѣніямъ жизни: мы видѣли, какою отзывчивой натурой обладаетъ эта простая женщина. „А вотъ вамъ бы, баринъ, — продолжаетъ она, — матушку вашу уговорить — крестьяне здѣшніе бѣдные—хоть бы малость оброку съ нихъ она сбавила!... Они бы за васъ Богу помолились“ Видите: Лукерья думаетъ не о себѣ, а о другихъ, и это вноситъ новый смыслъ въ ея существованіе. Пусть это существованіе неподвижно, но связи, соединяющія между собою людей, такъ многообразны, что каждый такъ или иначе связанъ съ окружающимъ обществомъ. Этимъ обусловливается взаимодѣйствіе между личностью и обществомъ, и если личность проникнута высокимъ нравственнымъ настроеніемъ, она, вступая во взаимодѣйствіе съ обществомъ, вноситъ въ общественную жизнь элементъ добра и правды. Такъ, Лукерья бросаетъ въ душу своего собесѣдника доброе чувство, которое можетъ послужить основой добраго дѣла. Представьте теперь, что всѣ люди прониклись бы такимъ настроеніемъ, какое мы видимъ у Лукерьи,—тогда наступилъ бы такой общественный строй, въ которомъ каждый человѣкъ служилъ бы для другого не средствомъ, а цѣлью,—тотъ строй, о которомъ мечтали выдающіеся представители мысли (напр., Кантъ), и который давно указанъ въ качествѣ идеала въ Евангеліи: „кто хочетъ быть первымъ, пусть будетъ всѣмъ рабъ“... Можно ли теперь отрицать смыслъ той жизни, которая проникнута этимъ возвышеннымъ идеаломъ, хотя бы

это была жизнь заброшенная,—повидимому, никому не нужная? Конечно, нѣтъ. Мы привыкли оцѣнивать значеніе жизни по ея внѣшнимъ проявленіямъ, а не по внутреннимъ основамъ; мы болѣе цѣнимъ приспособленность человѣка къ борьбѣ за короткое, земное существованіе, нежели его подготовленность къ тому, чтобы сдѣлаться членомъ царства Божія или—если хотите--того царства цѣлей, о которомъ говоритъ Кантъ. Поэтому мы болѣе поражаемся успѣхами внѣшней культуры: грандіозными сооруженіями, замѣчательными изображеніями и т. д., нежели не бьющими въ глаза явленіями въ области нравственной жизни; мы часто проходимъ мимо подобныхъ явленій, не замѣчая ихъ нравственной красоты, а между тѣмъ они являются свѣтлыми точками на фонѣ человѣческаго существованія.—Конечно, и явленія внѣшней культуры достойны высокаго вниманія, какъ свидѣтельство могущества человѣческаго разума и—еще болѣе—какъ средство къ благоустроенію человѣческой жизни, но не должно забывать, что внѣшняя культура имѣетъ значеніе не сама по себѣ, а какъ средство къ осуществленію иной, высшей цѣли: въ концѣ концовъ ея значеніе опредѣляется степенью ея содѣйствія нравственному прогрессу или—выражаясь словами проф. Грота—„увеличенію нравственной цѣнности этой жизни": если я пользуюсь ножемъ для того, чтобы разрѣзать хлѣбъ или произвести операцію, ножъ является добромъ, а если я къ нему прибѣгаю, чтобы перерѣзать горло своему сосѣду,—тотъ же самый ножъ является зломъ. Между тѣмъ, высокое нравственное настроеніе само по себѣ имѣетъ высокую цѣну и непреходящее значеніе: оно именно дѣлаетъ человѣка полезнымъ работникомъ въ созиданіи царства Божія. Вотъ почему значеніе человѣчской жизни нужно оцѣнивать не столько по ея внѣшнимъ проявленіямъ, какъ бы ни были они блестящи, сколько по той внутренней работѣ духа, которая, служа основою внѣшней дѣятельности, и *сама по себѣ* имѣетъ безуслов-

ное значеніе. И если мы взглянемъ на человѣчсскую жизнь съ этой (христіанской) точки зрѣнія, то должны будемъ признать значеніе не только за жизнію выдающихся талантовъ или крупныхъ общественныхъ дѣятелей, вообще—видныхъ представителей культурнаго прогресса, но и за жизпію такихъ людей, извѣстность которыхъ не простирается за околицу ихъ деревни, лишь бы эта жизнь представляла служеніе высшей цѣли человѣческой жизни—осуществленію нравственнаго идеала: каждый, въ комъ только теплится святая искра любви къ добру и правдѣ, можетъ быть дѣятельнымъ участникомъ въ нравственно-созидательной работѣ, составляющей содержаніе истинной жизни. Жизнь нищаго, обреченнаго судьбой собирать подъ окнами куски хлѣба, или несчастной, навсегда прикованной къ постели неизлѣчимой болѣзнью, можетъ получить въ христіанствѣ непреходящее значеніе: вѣдь всѣ эти грандіозныя сооруженія, даже вѣковѣчныя пирамиды—все это рано или поздно разрушатся, даже гордыя вершины Юнгфрау и Финстерааргорна поколеблются, но нравственная красота не поблекнетъ отъ времени: она переживаетъ не только пирамиды, по и самую землю, и вступитъ, въ качествѣ непреходящаго элемента истинной жизни, въ тотъ міръ, въ которомъ правда живетъ... А внѣ христіанства договаривались до того, что совѣтывали предавать смерти больныхъ, увѣчныхъ, престарѣлыхъ, притомъ—вовсе не по злымъ побужденіямъ, а во имя гуманности. И это понятно: какой смыслъ можетъ имѣть жизнь какого-либо бездомнаго скитальца тамъ, гдѣ и геній, по выраженію Тургенева, является лишь творцомъ... на часъ?!..

5.

Таковъ христіанскій взглядъ на смыслъ человѣческой жизни: гдѣ бы она ни протекала—въ центрѣ ли умственныхъ и общественныхъ движеній извѣстнаго времени, или въ

какой-либо безвѣстной деревушкѣ, затерявшейся среди необъятнаго пространства,—эта жизнь вездѣ можетъ получить непреходящее значеніе, лишь бы она была направлена къ осуществленію нравственнаго идеала, къ созиданію царства Божія. Всѣ мы—и богатые, и бѣдные, и знатные, и незнатные, и ученые, и неученые,—всѣ мы „смиренные дѣлатели на великой нивѣ Божіей, единственной нивѣ, на которой можно работать намъ рядомъ“ (Рачинскій).

Признавая безусловную цѣну за человѣческой личностью, указывая для ея дѣятельности возвышенную цѣль—созиданіе царства Божія, обезпечивая осуществленіе этой цѣли указаніемъ на то, что Самъ Богъ направляетъ къ ней теченіе міровой жизни,—христіанство тѣмъ самымъ поддерживаетъ духовную энергію человѣка въ его борьбѣ за правду, предохраняетъ его отъ мрачнаго отчаянія. Конечно, и христіанинъ, какъ и всякій человѣкъ, живущій „средь дольнихъ бурь и битвъ“, не застрахованъ отъ жизненныхъ невзгодъ: христіанство не оправдываетъ утопическихъ мечтаній о такомъ строѣ человѣческой жизни, который бы исключалъ самую возможность страданій. Допустимъ вмѣстѣ съ Миллемъ, что „люди могутъ если не совершенно одолѣть, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени обезсилить всѣ тѣ великія бѣдствія, отъ которыхъ они страдаютъ“; допустимъ, что „мудрость общества, соединивъ свои усилія съ здравымъ смысломъ и предусмотрительностію индивидуумовъ, можетъ совершенно уничтожить *бѣдность* въ той ея степени, когда она становится уже страданіемъ“; допустимъ, что и *болѣзнь* „можетъ быть доведена до безконечно малыхъ размѣровъ съ помощію хорошаго физическаго и нравственнаго воспитанія и съ помощію надлежащей осмотрительности отъ вредныхъ для здоровья вліяній“, и что „прогрессъ наукъ обѣщаетъ намъ въ будущемъ еще много рѣшительныхъ побѣдъ надъ этимъ ненавистнымъ врагомъ“ (Милль, „Утилитаріанизмъ“,

русск. пер., Спб. 1882, стр. 35—36). Допустимъ все это, хотя оптимистическимъ предположеніямъ Милля можно бы противопоставить утвержденіе другого мыслителя—Спинозы, что пріобрѣтеніе временныхъ и непрочныхъ благъ не можетъ доставить человѣку прочнаго и непреходящаго удовлетворенія: не наблюдаемъ ли мы, что чѣмъ болѣе увеличивается матеріальный достатокъ человѣка, тѣмъ менѣе онъ удовлетворяется имъ? Не наблюдаемъ ли и того, что совершенно здоровые люди тяготятся своею жизнію?... Оставимъ однако все это въ сторонѣ и станемъ на точку зрѣнія Милля: пусть всѣ обладаютъ матеріальнымъ достаткомъ, пусть всѣ застрахованы отъ болѣзней; ну, а *смерть*-то можетъ утратить силу надъ человѣческимъ организмомъ или нѣтъ? До сихъ поръ біологія смотрѣла такъ на органическую жизнь, что, достигнувъ своего расцвѣта, организмъ мало-по-малу идетъ къ распаденію; чтожъ? наступитъ ли когда-либо такой моментъ, когда человѣческій организмъ освободится изъ-подъ власти этого закона, когда смерть потеряетъ надъ нимъ силу? Милль объ этомъ умалчиваетъ, а между тѣмъ если и можно какое-либо изъ физическихъ бѣдствій признать „самымъ неукротимымъ врагомъ человѣка", то это именно смерть: „налетитъ она, махнетъ чернымъ крыломъ и—конецъ!"... А разъ смерть останется, можно ли говорить о томъ времени, когда человѣчество обезсилитъ всѣ тѣ великія бѣдствія, отъ которыхъ оно страдаетъ? Пусть отвѣтятъ на этотъ вопросъ тѣ, которымъ суждено было пережить потерю близкихъ лицъ или самимъ стоять у дверей гроба... Нѣтъ, христіанство не оправдываетъ утопическихъ мечтаній о земномъ блаженствѣ человѣчества; болѣе того: оно признаетъ страданія и скорби неизбѣжнымъ удѣломъ земной жизни: „многими скорбями надлежитъ намъ войти въ царство Божіе",—такъ учили апостолы вслѣдъ за Христомъ, Который сказалъ имъ предъ отшествіемъ изъ этого міра: „въ мірѣ будете

имѣть скорбь“ (Іоанн. 16, 33). Но признавая страданія и смерть неизбѣжнымъ удѣломъ человѣка, христіанство усвояетъ страданіямъ нравственно-воспитательное значеніе и направляетъ вниманіе христіанина на пріобрѣтеніе такихъ сокровищъ, которыхъ „ни моль, ни ржа не истребляетъ“; этимъ самымъ оно смягчаетъ горечь страданій и воспитываетъ въ христіанинѣ то „благодушное“ настроеніе, которое онъ сохраняетъ и среди жизненныхъ невзгодъ. Просто и сильно выразилъ это настроеніе ап. Павелъ: „мы,—говоритъ онъ,—отвсюду притѣсняемы, но не стѣснены; мы въ отчаянныхъ обстоятельствахъ, но не отчаяваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаемъ“ (2 Кор. 4, 8—9); „мы всегда благодушествуемъ“ (3, 6)[1].

Даже грозный, гнетущій образъ смерти смягчается при свѣтѣ христіанскаго ученія, потому что смерть, по этому ученію, не есть уничтоженіе личности: разрушается тѣло, а духъ, который стремится, размышляетъ, чувствуетъ, никогда не прекращаетъ своего существованія. Правда, при данныхъ

---

[1]) Христіанскій взглядъ на жизнь нашелъ свое художественное выраженіе въ произведеніяхъ Пушкина, котораго справедливо считаютъ лучшимъ выразителемъ нашего національнаго самосознанія. Пусть читатель припомнитъ стихотвореніе: „И путникъ усталый на Бога роптал“... Правда, оно относится къ т. н. „подражаніямъ корану“, но коранъ далъ только нѣкоторые элементы того образа, въ который поэтъ вложилъ *христіанское содержаніе*: въ легендѣ корана выражена мысль о всемогуществѣ Божіемъ, а у Пушкина на первый планъ выдвинута идея любви и милосердія; отсюда—свѣтлый, примирительный аккордъ, которымъ оканчивается стихотвореніе: „И *съ Богомъ* онъ (путникъ) далѣ пускается въ путь“,—пускается бодро и спокойно, не опасаясь тѣхъ невзгодъ, съ которыми неизбѣжно соединено путешествіе по пустынѣ. Такъ и христіанинъ бодро идетъ по своему жизненному пути, какія бы бѣдствія его не постигали: „если бы мнѣ пришлось итти и посреди сѣни смертной, я и тогда не испугался бы зла, потому что Ты, Господи, со мною“, говоритъ онъ. По поводу празднованія столѣтняго юбилея со дня рожденія Пушкина, мнѣ пріятно отмѣтить, что въ лучшихъ своихъ стихотвореніяхъ онъ былъ выразителемъ христіанскаго взгляда на жизнь.

условіяхъ существованія, между духомъ и тѣломъ замѣчается настолько тѣсная связь, что мы признаемъ человѣка какъ бы двустороннимъ существомъ; но стоитъ вникнуть въ характеръ психическихъ и физіологическихъ процессовъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что духъ и тѣло—разнородны, вслѣдствіе чего духъ можетъ существовать и независимо отъ тѣла. Въ самомъ дѣлѣ: всѣ физіологическіе процессы, какъ бы сложны они ни были, сводятся къ движенію; между тѣмъ душевные процессы (мысль, чувствованіе) не имѣютъ ничего общаго съ движеніемъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ намъ внутренній опытъ. Поэтому нельзя признать, чтобы физіологическіе процессы переходили въ психическіе или наоборотъ: первые служатъ только возбудителями психической энергіи. Отношеніе тѣла къ духу можно сравнить съ отношеніемъ разрядника къ лейденской банкѣ: не сообщая отъ себя этому снаряду электрической энергіи, онъ только освобождаетъ уже накопившуюся въ немъ энергію; такъ и тѣло: оно служитъ, съ одной стороны, возбудителемъ душевной энергіи, а съ другой—органомъ для ея обнаруженія. Значитъ, съ разрушеніемъ тѣла уничтожается органъ, которымъ духъ пользовался для взаимодѣйствія съ окружающимъ міромъ при настоящихъ условіяхъ существованія; самый же духъ не уничтожается, а только переходитъ въ новыя, неизвѣстныя намъ условія существованія: „не бойтесь, — сказалъ Спаситель, убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить“ (Мѳ., 10, 28), а апостолъ Павелъ разъясняетъ: мы „знаемъ, что когда земной нашъ домъ, эта хижина, разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный“, а потому мы не только „не унываемъ“, видя постепенное разрушеніе нашего тѣла, но „и воздыхаемъ, желая облечься въ небесное наше жилище“ (2 Кор. 5, 1—2, а также 4, 16).

Конечно, не можетъ и христіанинъ не скорбѣть, разставаясь съ близкими его сердцу лицами (Самъ Господь про-

слезился у гроба Лазаря), но эта скорбь срастворяется вѣрою въ молитвенное общеніе и падеждою на будущее свиданіе съ умершими. Неподражаемо просто и ясно выражено это настроеніе въ письмѣ преосвященнаго Ѳеофана, человѣка глубокой вѣры, къ его умирающей сестрѣ: „Прощай, сестра! Господь да благословитъ исходъ твой и путь твой по твоемъ исходѣ! Вѣдь ты не умрешь: тѣло твое умретъ, а ты перейдешь въ другой міръ, живая, себя помнящая и весь окружающій міръ узнающая. Тамъ встрѣтятъ тебя батюшка и матушка, братья и сестры. Поклонись имъ и наши имъ передай привѣты и проси попещись о насъ. Тебя окружатъ твои дѣти съ своими радостными привѣтами... Тамъ лучше тебѣ будетъ, чѣмъ здѣсь. Такъ не ужасайся, видя приближающуюся смерть: она для тебя дверь въ лучшую жизнь. Ангелъ-хранитель твой приметъ твою душу и поведетъ её путями, какими Богъ повелитъ. Грѣхи будутъ приходить,—кайся во всѣхъ и будь крѣпкой вѣры, что Господь и Спаситель всѣ грѣхи кающихся грѣшниковъ изглаждаетъ. Изглажены и твои грѣхи, когда покаялась. Эту вѣру поживѣе возставь въ себѣ и пребудь съ нею неразлучно. Даруй же, Господи, тебѣ мирный исходъ! День-другой—и мы за тобою. Скоро свидимся. Такъ не тужи объ остающихся.—Прощай! Господь съ тобою!“ (Собраніе писемъ Святителя Ѳеофана, вып. I, стр. 182). Съ такимъ настроеніемъ провожаетъ христіанинъ своихъ близкихъ въ загробную жизнь! Понятно, что и кладбище говоритъ христіанину не о прошедшемъ только,—о томъ, что пережито было вмѣстѣ съ умершими, но и о будущемъ, „когда мертвые услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавши, оживутъ“. Замѣчательно просто и художественно выражена эта мысль въ прекрасномъ стихотвореніи того поэта, на могилѣ котораго недавно водрузили мраморный крестъ (Майкова). Позволю себѣ привести это стихотвореніе:

Подъ солнцемъ вьются жаворонки,
Поютъ: Христосъ воскресе!

По всѣмъ кустамъ малиновки
Поютъ: Христосъ воскресе!
Во всѣ окошки ласточки
Кричатъ: Христосъ воскресе!
Сердца у дѣвъ, у юношей
Поютъ: Христосъ воскресе!
И всѣмъ въ отвѣтъ *могилушки*:
Воистину воскресе!

Поэтъ какъ бы наудачу бросилъ нѣсколько штриховъ на бумагу—и вышла прекрасная картина, полная свѣта и жизни. Вы какъ бы чувствуете живительное дыханіе весны, вы слышите это веселое щебетанье, это радостное пѣнье птицъ, которыя поютъ и не могутъ окончить своей пѣсни, и снова поютъ и кричатъ въ перебивку... И надъ всею этой картиной носится радостная вѣсть: Христосъ воскресе! Хорошо, отрадно, свѣтло на душѣ, и, кажется, только кладбище своимъ мертвымъ спокойствіемъ нарушаетъ общій, свѣтлый колоритъ картины... Но подойдите къ могилѣ съ христіанскою вѣрою въ сердцѣ—и отъ нея повѣетъ на васъ не холодомъ смерти, а дыханіемъ жизни: тлѣніе смерти говоритъ христіанину о безконечной жизни. Это чувствовалъ, повидимому, и Тургеневъ: припомните послѣднія строки едва ли не самаго замѣчательнаго изъ его романовъ („Отцы и дѣти"): „Какое бы страстное, грѣшное, бунтующее сердце ни скрылось въ могилѣ,—цвѣты, растущіе на ней, безмятежно глядятъ на васъ своими невинными глазами: не объ одномъ вѣчномъ спокойствіи говорятъ намъ ѳни, о томъ великомъ спокойствіи равнодушной природы; они говорятъ также о вѣчномъ примиреніи и о жизни безконечной"...

—

Мм. гг.! „Довольно!.. Усталъ я!.. Довольно!"—такъ говорилъ себѣ самому тургеневскій художникъ, усталый и

разбитый, обманутый жизнью въ своихъ ожиданіяхъ и угнетенный тою мыслію, что природа уничтожаетъ все безъ разбора... Опустимъ ли и мы вслѣдъ за нимъ свои руки? Повторимъ ли вмѣстѣ съ нимъ его безнадежное „довольно“? Нѣтъ и нѣтъ! Всѣ мы призваны къ неустанной работѣ надъ созиданіемъ царства Божія, надъ проведеніемъ какъ въ свою личную, такъ и общественную жизнь нравственнаго идеала, надъ увеличеніемъ суммы добра въ мірѣ. „Утопіи о земномъ блаженствѣ чужды христіанскому міровоззрѣнію“; за то на каждомъ изъ насъ лежитъ „обязанность—сдѣлать земную жизнь сносною для себя и для ближнихъ, сносною настолько, чтобы дать людямъ возможность не забывать о небесной“ (Рачинскій). Каждому найдется мѣсто въ этой работѣ: „Взгляни,—скажу словами поэта, обращенными къ христіанину-труженику,—

„Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди.
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога;
Господь велитъ: иди! иди!

—

Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты.
Сгибайся жъ, пахарь надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы!“

—

Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ,—

такъ отвѣчаетъ христіанинъ на призывъ къ неустанному труду,—

Иду свершать, въ трудѣ и потѣ,
Удѣлъ, назначенный Тобой,

И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.

—

Не брошу плуга рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего. (Хомяковъ).

Итакъ, съ Богомъ—на работу!

П. Кудрявцевъ.

Извѣстія и замѣтки.

Торжественный актъ церковно-приходскихъ школъ г. Кіева.

25 мая, въ 1 часъ дня, въ залѣ купеческаго собранія состоялся торжественный актъ церковно-приходскихъ школъ г. Кіева,—въ первый разъ за 15 лѣтъ ихъ существованія. Актъ почтили своимъ присутствіемъ: кіевскій гражданскій губернаторъ, кіевскій городской голова, П. А. Игнатовичъ члены кіевской городской думы и многія почетныя лица города. Обширный залъ купеческаго собранія, кромѣ дѣтей-школьниковъ, былъ переполненъ народомъ. Актъ начался благодарственнымъ молебствіемъ, совершеннымъ преосвященнымъ Сергіемъ, епископомъ уманскимъ, въ сослуженіи многихъ протоіереевъ и іереевъ изъ городскаго духовенства, такъ или иначе принимавшихъ участіе въ кіевскихъ церковно-приходскихъ школахъ. Молебенъ пѣли всѣ учащіеся. На актѣ прочитаны были: историческая записка о состояніи кіевскихъ церковно-приходскихъ школъ за 1884—1899 гг. и отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ г. Кіева за 189⁸/₉ учебный годъ.

Въ промежуткахъ между этими чтеніями и раздачею наградъ ученикамъ и ученицамъ пѣлъ хоръ учащихся. Нѣкоторыя пьесы были спѣты съ аккомпаниментомъ оркестра духовой музыки. Спѣты были: „Коль славенъ“, „Боже Царя храни“, слова Пушкина, „Многи лѣта, многи лѣта“, „Гимнъ князю Владиміру“, „Пиръ Петра Великаго“, „Буря мглою небо кроетъ“, „Сватушка“, „Славься, славься нашъ русскій царь“, и въ концѣ акта народный гимнъ и „Ангелъ вопіяше“. Пѣніе вообще было безукоризненное. Въ промежуткахъ между пѣніемъ и раздачею наградъ, ученики и ученицы церковно-приходскихъ школъ читали разныя стихотворенія, большею частью изъ сочиненій А. С. Пушкина, котораго день юбилея почти совпадалъ съ актомъ [1]).

Прочитаны были: „Отче нашъ“, „Великопостная молитва“, „Пророкъ“, „Мазепа“ изъ поэмы „Полтава“, „Ночь предъ казнью“ изъ той же поэмы, „Къ нянѣ“, „Делибашъ“, Вурдалакъ, „Къ морю“, „Донъ“, „Бой Руслана съ головою“, изъ „сказки о царѣ Салтанѣ“, изъ „сказки о рыбакѣ, и рыбкѣ“ и „сказочныя чудеса“. Чтеніе дѣтей равно какъ и хоровое ихъ пѣніе были весьма хороши.

Въ заключеніе акта, послѣ молитвы, преосвященный Сергій, какъ предсѣдатель Кіевскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, обратился къ публикѣ, къ учащимъ и учащимся съ прочувствованною архипастырскою рѣчью. Поблагодаривши кіевское городское духовенство за усердіе въ трудахъ по обученію и воспитанію въ городскихъ церковно-приходскихъ школахъ Преосвященный, въ лицѣ городскаго духовенства, высказалъ такую же благодарность и всему духовенству кіевской

[1]) Юбилей А. С. Пушкина праздновала и церковно-приходская школа вмѣстѣ съ другими городскими школами заупокойною панихидой во Владимірскомъ Соборѣ, которую совершилъ соборнѣ преосвященный Сергій, епископъ уманскій, на другой день училищнаго акта, 26 мая.

епархіи за его усердное служеніе на пользу церковно-приходскихъ школъ всей епархіи. Поблагодаривши затѣмъ и всѣхъ, такъ или иначе содѣйствовавшихъ успѣху церковно-приходскихъ школъ кіевской епархіи и въ частности городское управленіе за его денежное пособіе кіевскимъ церк.-приходск. школамъ,—поблагодаривши и всѣхъ потрудившихся въ устройствѣ перваго торжественнаго школьнаго акта церк.-приходск. школъ за 15-лѣтіе ихъ существованія,—Преосвященный затѣмъ поставилъ такой вопросъ: „спросятъ насъ, сказалъ онъ: почему это мы выступили съ нашими церковно-приходскими школами передъ публикою, передъ обществомъ, въ торжественномъ актѣ? И далъ такой отвѣтъ: „это сдѣлано въ тѣхъ видахъ, чтобы разубѣдить нѣкоторыхъ лицъ, даже и изъ интеллигентнаго круга, къ сожалѣнію, предубѣжденныхъ противъ нашихъ церковно-приходскихъ школъ, — разубѣдить ихъ въ томъ, что наши церковно-приходскія школы, имѣя цѣлью, главнымъ образомъ, религіозно-нравственное церковное воспитаніе дѣтей, — имѣя въ виду главнымъ образомъ научить дѣтей хвалить Бога церковными молитвами и пѣснями, нисколько не чуждаются и такъ называемыхъ свѣтскихъ предметовъ обученія,—отнюдь не чуждаются и всего того, что есть полезнаго и прекраснаго въ дѣлахъ рукъ человѣческихъ, — напр. и въ поэзіи". „Церковно-приходскія школы, говорилъ далѣе Преосвященный, потому ничѣмъ не разнятся отъ школъ другихъ вѣдомствъ, также преслѣдующихъ въ учащихся цѣли религіозно нравственныя: любовь къ Богу, Царю и отечеству. Розни, потому, между нашими народными школами, какого бы онѣ ни были вѣдомства и типа, не должно быть. Одно только можно сказать съ твердостію, что наши церковно-приходскія школы стóятъ много дешевле государству и обществу. Во всякомъ случаѣ, отъ души желаю, чтобы царили миръ и любовь между всѣми нашими народными школами, къ пользѣ нашего

дорогого отечества и къ утѣшенію Возлюбленнаго Государя нашего". Въ заключеніе, Преосвященный преподалъ свое архипастырское благословеніе учащимъ и учащимся и всѣмъ искренно сочувствующимъ дѣлу народнаго образованія. На теплыя слова высокочтимаго Архипастыря отозвался изъ публики кіевскій городской Голова и съ своей стороны высказалъ Архипастырю глубокую благодарность за его многоплодные труды на пользу народнаго образованія и за постановку Кіевскихъ церковно-приходскихъ школъ на подобающую имъ высоту.

Считаемъ не лишнимъ привести въ полнотѣ и Историческую записку, прочитанную на актѣ предсѣдателемъ Кіевскаго отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, свящ. Н. Клитинымъ, и Отчетъ о состояніи кіевскихъ церковно-приходскихъ школъ за 189⁸/₉ учебный годъ, прочитанный кіевскимъ уѣзднымъ наблюдателемъ, свящ. Димитріемъ Никитинымъ. Они будутъ напечатаны въ слѣдующемъ №.

й взрослые, для чего постоянно привлекаетъ въ журналъ писателей, работающихъ въ журналахъ для взрослыхъ. Редакція старается избѣгать вещей сентиментальныхъ, съ голою моралью. Безусловно не допускаются произведенія, затрогивающія съ предвзятой точкой зрѣнія вопросы религіозные, національные и сословные. Передѣлки классическихъ произведеній не помѣщаются.

II. *Біографіи*, главнымъ образомъ „людей труда и сильной воли".

III. *Статьи и очерки*, знакомящіе дѣтей съ народной поэзіей и сказаніями всѣхъ странъ и народовъ.

IV. *Статьи популярно-научнаго характера* изъ исторіи, географіи, естественныхъ наукъ, относящіяся до родного быта и природы и написанныя главнымъ образомъ русскими учеными и путешественниками, хорошо изучившими родину.

V. *Очерки изъ современной жизни*, знакомящіе дѣтей съ выдающимися событіями русской и иностранной жизни.

VI. *Описанія игръ, занятій опытовъ*, и мелкія свѣдѣнія научнаго характера.

Переводы съ иностранныхъ языковъ даются въ умѣренномъ количествѣ, въ виду того, что дѣтскій журналъ прежде всего долженъ знакомить дѣтей съ родной природой и жизнью.

Обращено особенное вниманіе на внѣшность изданія: „РОДНИКЪ" печатается на толстой веленевой бумагѣ, на которой значительно лучше выходятъ рисунки, и кромѣ того она отличается прочностью, что, конечно, имѣетъ немаловажное значеніе для дѣтской книги. Помимо многочисленныхъ рисунковъ, иллюстрирующихъ текстъ, въ „РОДНИКѢ" помѣщаются отдѣльныя картинки въ краскахъ и снимки съ произведеній извѣстныхъ художниковъ, русскихъ и иностранныхъ.

Неоффиціальной части редакторъ, прот. *Павелъ Троцкій.*

Отъ Кіевск. духов. цензурн. Комитета печат. дозвол. 30 мая 1899 года.
Цензоръ, проф. Акад. прот. *I. Корольковъ.*
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра,
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Михайл., ул., д. № 4.